

Инна ЛИСНЯНСКАЯ:

Кн. обозрение. — 1999 —
18 мая — с. 5

«ПИСАТЕЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ НЕ ЗЛОБОДНЕВНЫМ, А ДОБРОДНЕВНЫМ...»

СУДЬБА меня не баловала. И сегодня я праздную час, говоря строкою Ахматовой, «победы моей над судьбой». Дожила я до первой, самой для меня почетной премии — премии Александра Солженицына. Эта премия крайне ответственна. Она даруется из гонораров Солженицына за «Архипелаг ГУЛАГ» — этот памятник невинно осужденным и убиенным, воздвигнутый из вечно живых слов. У меня есть строка: «Беда под силу мне, а радость не в подъем...» Не знаю, что случилось бы со мной, если бы мне была оказана такая честь, скажем, лет 20 или 10 тому назад. Наверное, от радости и ответственности мне не в подъем была бы шариковая ручка, я опасалась бы коснуться пером тетради. Но сейчас, когда мне семьдесят и почти все, что могла, я, как мне кажется, уже написала, я не очень боюсь и даже могу безбоязненно оправдать свое существование на земле тем, что жила, следуя первому Псалму Давида. Конечно, на путь грешный я ступала, но не ходила на совет нечестивых и не сидела в собраниях развратителей. Помню, как, прочтя «Жить не по лжи», восходящую к этому Псалму, я возликовала: не хожу на собрания, не голосую, не лгу...

В 1959 году Твардовский предложил мне от «Нового мира» командировку — куда захочу. И я, южанка, бакинка, выбрала Север, Хатангу, остров Диксон, Енисей, города и селения на Енисее. И вот тут-то я и ступила на тропу грешников, самозащитно позволила себе забыть, что хожу не просто по слегка тающей мерзлоте, а по костям ГУЛАГа. Я позволила себе забыть и написала цикл пейзажных романтических стихотворений типа: «Гудит над Арктикой антенна — единственное деревцо...» Таким образом, не курия фимиама советской власти, я его тогда постыдно воскурила. Описать, как олени щиплют ягель, и забыть, что под этой травой, для стихотворца — умолчание, равное лжи, и непростительный грех. Само понятие блуда, греха, особенно, если речь о женщине, в наше время изменилось, приобрело несколько иное значение. В 1972 году от лица Магдалины я написала стихи, в которых попыталась искупить свой грех и, быть может, не только свой:

*Напрасно выбили из рук моих вино.
Я чашу гибели пригубила давно.
И не цыганская влечет меня гульба,
А каторжанская мерещится тропа...*

*...Власы распустятся. Прильну к его
ступне.
Ужель отпустится мое бесовство мне?
И со спокойным я упаду лицом,
Когда конвойные прошьют меня
свинцом.*

Есть литераторы, которые утверждают, что словесность, особенно изящная, должна пребывать вне гражданственности, так сказать, над схваткой — даже «мрачной бездны на краю». Понятно, что это реакция на соцреализм. Кстати, справлять поминки по советской литературе — более чем смешно. Не было советской литературы, а был призрак, который бродил из книги в книгу под разными фамилиями, но с одним «лица общим выраженьем». Как можно справлять поминки по мнимости? Разве мы по ней скорбим?

Не было советской литературы! А жила в эпоху советской власти властью этой убиваемая, попираемая, загоняемая в подполье, изгоняемая из отечества и не пускаемая на родину великая русская литература в лице Гумилева и Мандельштама, Платонова и Зощенко, Ахматовой и Цветаевой, Булгакова и Гроссмана, Пастернака и Заболоцкого, Набокова и Зайцева, Клюева и Шаламова, Замятина и Ходасевича, Бунина и Бродского... «Я список кораблей прочел до середины», — сказал Мандельштам. А я сейчас назвала, видимо, половину флотилии ярко светящихся имен русской литературы, назвала, не придерживаясь ранжира и грузоподъемности и к тому же не соблюдая хронологии. Но к чему мне здесь хронология, если эти имена — часть славной флотилии русской словесности нашего века, вместе с веком уходящие в третье тысячелетие. Вот по ним, ушедшим из земной жизни, уж никак нельзя справлять поминок. Они живы в сознании и в обиходе читателя. И я бы в свой праздничный день, может быть, не вспомнила о поминках, если бы не попытки некоторых поминающих устроить заодно похороны традиционного слова. Сейчас Россия переживает острый кризис — экономический и политический. По моему слабому разумению, этому кризису предшествует кризис творческой мысли. Это нам известно по нашей многогрательной истории. Кризис мысли сказался и в том, что многие из нас, далеко не худшие литераторы, на первом гребне перестройки, провозгласив поминки по несуществующей литературе, выдвинули термин «другая литература». Уже не как альтернативу соцреализму, а как противостояние всей традиционной словесности. Алкая нового, запаматовали, перефразирую Чехова: не все, что ново, талантливо, но все, что талантливо, ново. А новое, как, на-

пример, поэзия Бродского, становится жизненным сосудом в организме традиций. Да и что есть другая литература? Никакой другой литературы, кроме русской литературы, у нас нет и быть не может по простой причине: каждый Божьей милостью творец — всегда другой по отношению к писателю-современнику или соседу по времени. Гоголь — другой по отношению к Пушкину, Достоевский — другой по отношению к Гоголю, Лев Толстой — по отношению к Достоевскому, Набоков — по отношению к Толстому, Солженицын — по отношению к Набокову. У каждого из этих других — своя содержательность, а значит, и форма, музыка слова, то есть предмет и способ его называния. Это и есть суть традиции. Первосоздатель, творя нашу глину, вдохнул в нее душу, состоящую из мысли и чувства, вдохнул в нас себя. По отношению к Богу, начиная с Адама, давшего вещам имена, каждый, наделенный Божьим даром, — второсоздатель гармонии. А ищущие лишь дисгармоническую музыку хаоса — не второсоздатели, не художники. Но что интересно, отрицатели традиционного слова без этого слова обойтись не в силах и питаются им, — образуя формальные пустоты. Их борьба с традицией напоминает богоборчество. Но богоборец все-таки не атеист. Ибо нельзя бороться с тем, чего нет. Поэтому богоборцы небезнадежны. И, к счастью, самое молодое поколение уже отказывается от ерничества и начинает заниматься развитием традиционной словесности, а не переименованием, к примеру, Пушкина, вот на этаким манер: «Зима. Никто не торжествует, никто не обновляет путь...» Русский писатель, болеющий за судьбу своего народа, не может не откликаться на злобу дня. Он ищет, как обновить путь. Ища, ошибается, ведь не Бог, но все же намечая дорогу...

Такой писатель не злободневен, а добродневен...